

Капризы и странности судьбы

Судьба всегда дает шанс! Не верите?
Читайте романы Олега Роя:

Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Обещание нежности
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Банкротство мнимых ценностей
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Пасынки судьбы
Он & Она
Вадали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искушение
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски
Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак
Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево
Фантомная боль
Я тебя никому не отдам
Страх
И небеса пронзит комета
Числа зверя и человека
Диалогия «Ловушка»
Ловушка для вершителя судьбы
Ловушка для влюбленных
Секреты семейного счастья от Олега Роя
МУЖЧИНА и женщина
ЖЕНЩИНА и мужчина
Скользящий странник

ОЛЕГ
РОЙ

СТРАХ
книга вторая
Числа зверя и человека

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р58

Оформление серии *С. Груздева*

Издание осуществлено при содействии *Н. Я. Заблоцкиса*

Рой, Олег.

Р58 Страх. [В 2 книгах] : Кн. вторая. Числа зверя и человека / Олег Рой. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Капризы и странности судьбы. Романы О. Роя).

ISBN 978-5-699-87929-8

В каждом человеке есть и Бог, и дьявол, но все зло, равно как и все добро в мире, происходит от рук людей, от их помыслов и деяний. Словом, от того, какую роль для себя они выбрали — дьявола или Бога.

Какую роль выбрал для себя Лев Ройзельман, блистательный ученый, всегдашний конкурент Алекса Кмоторовича? Лев предложил решить проблему деторождения, создав специальный аппарат по вынашиванию детей. Множество семей оказались благодаря ему счастливы. И не важно, что каждое вынашивание оборачивалось для женщин потерей конечности! Жертвенность – безусловная черта всякой матери! Феликсу Заряничу и его друзьям удалось выяснить, с чем связана генетическая мутация, охватившая весь мир, и понять, какова главная идея Льва Ройзельмана.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87929-8

© Резепкин О., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Дорогие люди

15.12.2042. Город.

ЖК «Европа». Валентин

Я счастлив, моя жизнь наконец-то вошла в правильную колею. Все хорошо, и я счастлив.

Счастлив?

Еще неделю назад это было правдой, еще неделю назад я был счастлив целиком и полностью — я точно это знаю. А с тех пор, кажется, ничего не изменилось. Кажется! Только кажется, и только потому, что я — человек спокойный, по крайней мере — неконфликтный. Всего неделю назад я был счастлив. Но сейчас... сейчас меня словно лихорадит. Трясет. Я и сам не знаю, чего хочу. Чувствую себя полностью потерянным и опустошенным.

На первый взгляд все как раньше, все хорошо. У нас с Жанной прекрасная семья. Комфорт, покой и все радости жизни. Но место, которое занимала в моей душе Ника, не занято. Возможно, я поступаю глупо, ищу добра от добра, вот только мне действительно не хватает того, что было при ней.

И... я больше не пишу музыку. Ноты разбегаются, воображение не желает отправляться в свободный полет, мелодии, даже если и рождаются, тут же исчезают, не задерживаясь у меня в памяти. Я совершенно пуст творчески. Может, поэтому меня так и бросает в крайности? Просто лихорадит, швыряет из огня в полымя. Я мучаю себя, мучаю окружающих и никак не могу успокоиться.

Вероника не отпускает меня. Просто наваждение какое-то. Она снится мне, ее образ чудится среди набросков и записей на компьютере, иногда она просто возникает перед моим внутренним взором возле рояля в гостиной, на тахте в позе одалиски, даже на кухне. Я долго сдерживал себя, но потом, не выдержав, начал пересматривать ее концерты. Она играла то, что я написал. Боже мой, внезапно понял я, когда мы еще не были близки, она смотрела на меня с тем же обожанием, что и Жанна. Вот только для Жанны мне не хочется писать ничего, даже простой струнный квартет.

Да и характер Жанны всего за неделю изменился разительно. Нет-нет, она по-прежнему корректна со мной и не закатывает истерики — она не Ника. Но теперь она чувствует себя полновластной хозяйкой положения. А я со всей ясностью вижу, что я для нее пустое место. Обстоятельство, с которым ничего нельзя поделаться, только терпеть. Не знаю даже, что хуже — обратившаяся в ненависть любовь Вероники или нынешнее небрежное равнодушие Жанны.

Я, как могу, стараюсь бороться с собой, но могу плохо, ничего не выходит. Я убеждаю себя, что Жанна беззащитна, что она доверилась мне, что ей сейчас очень трудно. Но тут же понимаю, что все гораздо проще и страшнее. Жанна просто использует меня, считая при этом, что отработывает свой долг — детьми, постелью, вкусной домашней пищей. Парадоксально, но Ника никогда так меня не использовала до того, как забеременела. Да и тогда не использовала. Срывала на мне свое раздражение — да, но не использовала. Вероятно, и в раздражении ее, в ее агрессивности виноват я сам, ведь я проигнорировал ее мнение. Наверное, нам надо было действительно повременить с этой беременностью...

И что же мне теперь делать? Я сам погубил свою жизнь, сам стал могильщиком своего счастья. Можно все валить на Нику, на комету, на разные обстоятельства, хоть на черта с рогами — но от этого не легче, этим ничего не исправишь. Самообман никогда не срабатывает, не приближает к желаемому, потому что, обманывая себя, ты все равно прекрасно знаешь, что это обман. Я оказался распятым между двумя женщинами и не был уверен, что хоть одна из них меня любит.

С какого-то момента это стало просто невыносимо. Порой я ловлю себя на том, что чувствую отвращение к Жанне и ее громоздким АР¹. Да, я знал, что там растут наши дети, но...

Я ведь видел ее отношение ко всему этому, и оно было совершенно не таким, как ко мне. К этим уродливым стальным тубусам Жанна относилась с настоящей нежностью. С настоящей любовью, это точно. А ко мне отправлялась лишь их имитация. Я — слепец! Почему я не видел этого притворства с самого начала?

И вдобавок Вероника, которая, кажется, остается везде, мне некуда от нее деться. Наверно, я действительно был слеп, а теперь прозрел, другого объяснения у меня просто нет.

Постепенно я, как это ни ужасно, стал обращаться к Жанне холодно, почти грубо, что никогда не позволил бы себе по отношению к Нике. И... и ничего не изменилось. Жанна не взбунтовалась, не встала на дыбы, не обиделась. Она приняла мою грубость с обычной покорностью. Но эта покорность страшно далека от любви. Жанне просто все равно. Я стал чувствовать

¹ Аппарат Ройзельмана — громоздкие овальные тубусы, охватывающие конечность и фиксирующиеся на груди или бедрах специальным каркасом.

себя квартирантом в собственном доме. И тогда я уходил, и до изнеможения слушал игру Вероники, и плакал. Плакал о том, что я, быть может, в своей жизни имел не слишком много, но потерял — все. Все. Ничего не осталось. Со стороны кажется, что я многое обрел — почтительную жену, например, а в скором времени буду отцом двух детей. Но я-то знаю, что не получил ничего. Потому что ничего этого мне не нужно.

Вероника с какого-то момента превратилась в навязчивую идею, от которой я никак не мог избавиться.

Да и хотел ли?

15.12.2042. Город.

Дом Анны. Феликс

Надо мной висело хмурое небо. Такое, какое бывает только поздней осенью или даже, скорее, зимой. Такой, как в наших краях, — практически бесснежной. И одинокая колокольня, подпиравшая низкие свинцовые тучи, была совершенно черная. И совершенно незнакомая. Никогда ее не видел. Ни в жизни, ни в кино, ни на картинках. Классическая готика: щедро украшенные горгульями и химерами фасады, углы подперты массивными контрфорсами и увенчаны навесными бойницами-машикулями, напоминающими грибы-паразиты на древесном стволе. Торчащая почти над моей головой крыша просела, даже, кажется, провалилась. Колокол там, однако, был — одинокий, даже с виду тяжелый, очень крупный. Я никогда такого большого колокола не видел. Он казался большим даже отсюда, снизу, хотя до него было метров с полсотни. Небось вблизи вообще монстр в три

человеческих роста и весь, наверное, разукрашен литыми надписями и узорами. Но карабкаться с риском свернуть шею на ветхую башню для изучения старинного артефакта совсем не хотелось. Не стоит того этот артефакт. Я не историк, извините.

Пока я, задрвав голову, пялился на мрачную черную башню, колокол внезапно принялся медленно и тяжело раскачиваться, несмотря на полное, казалось бы, безветрие. Или это внизу тихо, а наверху дует? Но какой ветер смог бы раскачать такую громадину? Ураган, не меньше. Вверху ураган, а внизу штиль? Так не бывает. Колокол, однако, продолжал раскачиваться — мерно и словно бы с неохотой.

— Все правильно, — решил я. — В такой башне звонарем может быть только призрак, — и тут, поверх моего невнятного бормотания, раздался первый удар. Низкий, тяжелый...

БОМ!

Голова отозвалась болью, я инстинктивно зажал уши ладонями, хотя это, разумеется, не помогло. Зажмешь тут!

БОМ!

Да что же это за напасть?!

Перед глазами поплыли, качаясь в такт колоколу, радужные пятна. Я выругался и хотел было подалее уйти от черной башни, но не тут-то было. Ноги не то вросли в землю, не то вовсе окаменели.

БОМ!

Господи, пусть это прекратится, пожалуйста! Ну, пожалуйста!..

Я сделал над собой усилие, пытаюсь сдвинуться с места, и... открыл глаза. И тут же закрыл — так больно резанул по ним блеклый свет ночника.

БОМ!

Вот черт, а сон-то продолжался! Я вновь открыл глаза, на сей раз окончательно. Голова казалась тем самым колоколом, во рту... черт его знает, будто верблюжью колючку жевал, тело ломило и крутило. В общем, хотелось только одного: закрыть опять глаза и умереть.

БОМ!

Проснувшись (но не очнувшись) окончательно, я уставился на источник убивающего меня звука. Им, разумеется, оказался мой собственный коммуникатор, который из всех доступных ему в облаках рингтонов с какого-то перепугу выбрал пожарный набат. Выругавшись сквозь зубы, я схватил трубку.

— Феликс Зарянич? — спросил незнакомый и чрезвычайно официальный голос. Спросил слишком громко для моей бедной больной головы.

Определенно, вчера мы с Максом подошли к отдыху максимально серьезно. Я попытался улыбнуться невзначай выскокившему каламбуру, но лучше бы я этого не делал. О ч-ч-черт! И ведь сам-то Макс, этот вечный счастливец, наверняка сейчас себя чувствует превосходно. Не бывает у него похмелья. Ненавижу!

— Говорите тише, — невольно вырвалось у меня. — Да, я Феликс. Кто вы?

— Дежурный реанимационного отделения городской клиники.

Меня прошиб холодный пот. И уже не от похмелья. Я даже про головную боль забыл. Словно этот дурацкий кошмарный сон был не дурацким, а вещим.

— Вам знакома Рита Залинская? — чуть тише спросил голос.

— Да, — выдал я. — Это моя девушка, — сказал я, холодея. — Что с ней?

В голосе прорезалось профессиональное сочувствие. Плевать ему было и на Риту, и на меня, но их так тренируют: с близкими разговаривать мягко. Хотя, может, мне все мерещится.

— Ее доставили вчера вечером после автомобильной аварии.

Это что, выходит, когда мы с Максом пили пиво, Рита истекала кровью?!

В моем больном мозгу пронесся бешеным галопом эскадрон виноватых мыслей, и каждая успевала стегнуть меня нагайкой. Ты скотина, Феликс! Бездушная, равнодушная скотина! А что, если Рита попала в аварию из-за меня? Ведь именно из-за меня она вчера вспылила. Разве можно было в таком состоянии за руль садиться?

Секундная самоэкзакуция заставила меня выдать главный вопрос:

— Как она?

— Состояние стабильно-тяжелое, жизнь сейчас вне опасности. Но есть некоторые нюансы, которые нам следует обсудить. И чем быстрее, тем лучше.

Нет, никакого сочувствия в голосе не было, ни профессионального, ни тем более обычного человеческого. Человек просто на работе.

— Как вас най... — начал было я и осекся. — Тьфу, я же знаю, это первая реанимация, да?

— Именно. Подойдете в регистратуру и...

— Я знаю. Я работаю у профессора Кмоторовича, коллега. Скоро буду.

— Удачно добраться, — ответил коллега, прежде чем я нажал отбой.

Вот зачем я ему стал докладывать про то, что у Алекса работаю? Разве это имеет сейчас хоть какое-то значение? Значение имеет то, как я туда добираться стану. И побыстрее. Я посмотрел на часы — начало шестого. По такому случаю можно было бы растолкать Макса, но сейчас у него в крови алкоголь, а мне совершенно не хотелось бы конфликтов с дорожной полицией. По той же причине не мог воспользоваться его «кубиком» я сам.

Я достал портмоне и пересчитал наличность. Негусто. Нет, пивом меня вчера угощал Макс, так что особо сильно я не тратился, но что толку. Все равно на такси хватало только в один конец. Да и ладно — обратно как-нибудь доберусь. Не первый раз с работы домой пешком хожу. Или вообще заночую в лаборатории, кстати, у меня там еще вчерашние бутерброды лежат...

О чем ты думаешь, скотина бездушная, мысленно одернул я себя. Там Рита кровью истекает, а ты о жратве. Меня замутило.

Я прекрасно понимал, что такое реанимация, так что никакой кровью, положим, Рита уже не истекала, да и доставили ее еще вчера. Господи, только бы у нее не было чего-то такого... такого... В аварии ведь можно обгореть, лишиться рук, ног, глаз...

Тогда я ее точно не брошу, почему-то подумал я, хотя речь о совместной жизни у нас с Ритой никогда не заходила. Ни за что не брошу, что бы с ней ни случилось, в каком бы состоянии она ни была.

На ходу натягивая старенькое, купленное еще в университетские времена пальто, заматывая шею кашне, я спустился на первый этаж. Ни Анны, ни Макса не было видно. Анна в последнее

время почти не выходила из своей комнаты — видно, чувствовала себя не лучшим образом. Ну а Макс, вероятно, беззаботно дрых после нашего вчерашнего «заплыва».

Выскочив из дома (хорошо хоть, ботинки надеть не забыл и дверь входную запер, вот какой молодец), я торопливо побежал к стоянке такси, чтобы не платить дополнительно за вызов.

То, что нужно было что-то делать — одеваться, обуваться, бежать, ловить такси, — немного разгоняло ледяной холод, стягивавший внутренности, немного помогало справиться с тяжелым давящим страхом. Но помогало не слишком успешно.

15.12.2042. Город.

Дом Анны. Макс

Разбудил меня Феликс, которому с утра пораньше приспичило куда-то усвистать. Возможно, ему самому казалось, что он двигается тише мыши, но на самом деле шума он производил вполне достаточно, чтобы перебудить весь квартал. Ну ладно, не квартал, но мне точно хватило.

Взглянув на часы, я лениво потянулся. Рань несусветная. А у меня, между прочим, выходной. Второй подряд, перед этим я больше недели работал без продыху. Причем неделька выдалась та еще, каждый день по два-три происшествия. Не мелких вроде застрявших на дереве кошек или тлеющих мусорных баков, а вполне серьезных.

Но, надо сказать, в нашем-то городе еще по сути тишь да гладь. Если смотреть на общем фоне. Мир, по-моему, сошел с ума: только и слышишь про пожары, взрывы на химических

производствах (страшный сон любого спасателя), захват заложников. А уж похищение детей и женщин начинает превращаться во всепланетную эпидемию, права вчера была Рита.

Я потянулся поосновательнее, чтоб все мышцы и косточки захрустели. Куда, в самом деле, Феликса понесло? Небось, побежал в свою лабораторию, проверять осевшую его во сне очередную гениальную идею по спасению человечества. Признаться, я не слишком верю в его чаяния. Надежды Феликса кажутся мне воздушными замками. Не то чтобы я сомневался в его личных способностях, нет-нет, Феликс очень талантлив, только сам себя недооценивает. Просто мне думается, что никто не способен единолично повернуть маховик истории. Когда завершилась эпоха глобальных завоеваний, тогда же закончилось и время гениальных одиночек. Да-да, именно так я и думаю, несмотря на то что из каждого утюга несется осанна Великому Ройзельману, Спасителю Человечества. Ну-ну. Во-первых, за этим чертовым Ройзельманом стоит вся финансовая (и черт знает какая еще) мощь корпорации Фишера. Во-вторых, вся эта история кажется мне какой-то мутной. Сомнительной. Ну в самом деле: человечеству грозит вымирание, и вдруг является гений, у которого в кармане спасительный рецепт. Прямо роаяль в кустах. Все, конечно, бывает, но не просто же так мама ненавидит всю эту компашку. Да и моя профессия отучает верить в чудеса. Спасатель — человек сугубо практический. Так что сам я, разумеется, и в мыслях ни на какие спасения человечества не замахиваюсь, я до глубины души счастлив, когда удается спасти хотя бы одну человеческую жизнь. Это, поверьте, очень много — человеческая жизнь. Каждая.

За окном серели по-зимнему мрачные предутренние сумерки. Может, еще подремать? Спешить-то все равно некуда. Но, с другой стороны, раз уж проснулся (а пока размышлял о судьбах человечества, проснулся окончательно), надо, пожалуй, подниматься.

Принимая душ, я раздумывал над тем, куда же все-таки в такую-то рань понесло Феликса. Все-таки вчера он, как ни крути, перебрал, должен бы дрыхнуть без задних ног, а не в лабораторию бежать. Но других вариантов вроде нет, значит — туда, наверстывать упущенное вчера. Он же фанат-трудоголик! Еще один вариант — ранний звонок Риты, внезапно осознавшей, что... Ну что-нибудь осознавшей и решившей с утра пораньше помириться. Но это маловероятный вариант, практически из разряда ненаучной фантастики. Понаблюдав вчера за этой парочкой, я не заметил там никаких особенно высоких чувств. А жаль, кстати. Мне бы хотелось, чтобы Феликс, наконец, нашел свое счастье, обрел родного человека. Он этого заслуживает. Особенно если вспомнить его детство, о котором он не очень-то любит распространяться. Хорошо бы ему — как бы в компенсацию — толику человеческого тепла. А то сплошная работа у парня и никакой личной жизни.

На себя посмотрю, ехидно фыркнул внутренний скептик. Велев ему заткнуться, ибо нечего чушь молоть, я решил сегодня же позвонить Терезе из клиники. А пока недурственно было бы перекусить или хотя бы выпить кофе. Организм-то действительно проснулся и настоятельно требовал калорий.

Неторопливо спустившись на кухню, я полез в холодильник... и насторожился.